

Е. С. Корчмина

ИНСТИТУТ ДВОРЯНСКОЙ ОПЕКИ В РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ в КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Изучение института опеки в дореформенной России актуально не только из-за малоизученности темы, но и потому, что дворянская опека была одним из ключевых органов в урегулировании имущественных проблем в среде дворянства.

Источниковой базой исследования стали неопубликованные материалы уездных дворянских опеков, сосредоточенные в Государственном архиве Рязанской области. Были использованы первичные материалы о взятии имений в опеку и журналы заседаний опеков. При этом необходимо отметить, что сохранившиеся материалы неравномерно распределены по разным уездам Рязанской губернии.

Обращение к деятельности опеков началось с изучения законодательства. П. Гуляев, анализируя законы об опеке, указал, что этот институт фактически существовал со времени Алексея Михайловича, но свое название и определенный статус получил только при Екатерине II.¹ При этом в первой половине XIX в. функционирование опеки не было четко прописано. Фактически, был определен механизм учреждения опеки только над малолетними дворянами. Но по какому бы основанию ни была учреждена опека (финансовые проблемы, сумасшествие, жестокое обращение с крестьянами и др.), она существовала на одних и тех же началах, так как опека – это представительство, и не зависит от повода к его учреждению.² Исходя из буквы закона, она учреждается не над личностью, а над имуществом. Если у сироты не было имущества, то и опека не учреждалась. При этом имущество могло быть как движимым, так и недвижимым, поэтому фактически материалы опеков позволяют исследовать экономическое положение всех категорий дворянства.

Отсутствие доскональной разработанности функционирования опеков в законодательстве беспокоило правительство, которое на протяжении всего

XIX в. вносило предложение об их преобразовании. Например, в июле 1839 г. граф А. Г. Строганов представил на рассмотрение дворянских корпораций проект нового устройства опеки, в котором разделялись опеки на охранительные и понудительные, но ни этот, ни другие проекты приняты не были.³

В целом, к середине XIX в. в законе были обозначены основания для взятия имений в опеку, и их список был конечен. В опеку имения брались либо по прошению дворян, либо через органы власти, в частности, губернское правление. Была описана процедура изъятия из опеки, что также могло осуществляться либо по личному прошению, либо государственными органами. Деятельность института опекунов регулировалась в самом общем виде.

На данном этапе изучение института опеки вызывает большое количество вопросов.

Первая проблема связана с определением числа имений, состоящих в опеке. Так, ряд исследователей считает, что количество имений в опеке было невелико,⁴ а уменьшение абсолютной и относительной численности опекаемых поместий в предшествующие отмене крепостного права годы было связано с нежеланием дворян обременять себя дополнительными обязанностями в условиях ухудшавшегося экономического состояния хозяйств и повышения социально-политической активности крепостного крестьянства.

Но современники считали, что доля имений в опеке была значительна. «Хотя все это было свое и под рукою, но непрерывные обеды вели к разорению многих, и в мае 1816 года было заложено 600 помещичьих имений с населением в 300 000 крестьян».⁵

Данные по Рязанской губернии ближе к представлению современников. Так, если в 1840 г. по губернии было всего 622⁶ опеки (и городских и дворянских), то в 1850 г. – 731.⁷ Налицо увеличение числа опеки. По данным рязанских исследователей, в 1853 г. в Рязанской губернии из 5479 имений было заложено 2566 (46 %), а в 1860 г. число заложенных имений – 3235 (65 %).⁸ Не совсем понятно, каким образом произошел столь стремительный рост числа опеки за 3 года. Но даже если и существует путаница с цифрами, то все равно число имений в опеке по Рязанской губернии было велико.

Второй вопрос, связанный со структурой имений в опеке, представляется более-менее ясным. Список оснований для включения в опеку был закрытым, поэтому и сама структура была единообразна для всей территории Российской империи. Более того, данные по соотношению разных видов опеки по Рязанской губернии совпадают с данными по другим губерниям (по Воронежу, в частности). Большая часть имений в конце XVIII – первой половине XIX в. находилась в опекунском владении по малолетству.

Но с 30-х годов XIX в. наблюдался рост доли имений, попавших в опеку за долги: рязанскому приказу общественного призрения (в первую очередь), московскому опекунскому совету и частным лицам. Была велика доля казенных недоимок (незначительные суммы), но они все быстро выплачивались, до описи имения.

Имений, попадавших в опеку за жестокое обращение с крестьянами и в связи с психической несостоятельностью помещика, в Рязанском уезде за указанный период было всего три.

При этом надо понимать, что мог выйти указ о сдаче в опеку, потом долг выплачивался, или уплачивались проценты, и имение исключалось из опеки. Это порождает источниковедческую проблему, связанную с выяснением точной численности имений, состоящих в опеке.

Третий вопрос связан с функционированием института опекунов. Их деятельность в законе была определена в самых общих чертах. Поэтому описание его деятельности будем проводить на основе существовавшей практики.

«Опекун», на наш взгляд, это скорее нравственная обязанность, нежели должность. Опекуном мог быть только дворянин, мужчина или женщина, при этом число женщин-опекунов было незначительным, и они назначались опекунами только у родственников. Фактически, при назначении опекуном не учитывалось ни финансовое положение дворянина, ни его нравственные качества, несмотря на указания в законе по этому поводу.

Как правило, у опекуна было не одно имение в опекунском управлении. Так, капитан артиллерии А. А. Суворов управлял 3 имениями, два из которых (камергера А. П. Собакина и капитанши Н. Зубовой) могут быть отнесены к категории средних: 346 и 202 души, соответственно. Третье имение было мелкопоместным (30 душ). Помимо этого во владении Александра Алексеевича было 65 собственных душ крепостных крестьян в Рязанском и Рязском уезде Рязанской губернии.

Опекуны за свою работу получали так называемый «пятикопеечный сбор» (5 %), то есть чистый перевес прибыли от имущества над расходами по нему.⁹ Эта сумма была явно недостаточной для того, чтобы материально заинтересовать потенциальных опекунов в занятии должности.

В целом исследователи отмечают, что опекунами дворяне становиться не хотели.¹⁰ С. В. Першин считает, что «далеко не последнюю роль в сокращении и без того малой доли участия опеки в делах разорившихся дворян сыграло то, что установленный еще в последней четверти XVIII в. размер выплат опекунам уже давно не соответствовал запросам и потребностям даже провинциального дворянства».¹¹

Материалы опеки это подтверждают. Опекуны часто сменялись из-за нежелания дворян, назначенных в опекуны, вступать в должность. «Исполнять не могу, так как семь малолетних детей и это имение расположено в 80 верстах, и лет много, а также обременен опекунством над имением умершей из девиц Логвеновой».¹²

Опекуны ежегодно должны были сдавать в уездные опеки отчеты по имению, которые являются одними из самых ценных источников по воспитанию бедных дворянских детей. До 1850-х годов отчет писался от руки, бланки отчетов не были до конца формализованы, в них необходимо было расписывать все статьи доходов и расходов. Отчеты проверялись заседателями опеки и либо признавались верными, либо делались замечания опекуну, которые должны были быть исправлены. В случае систематических нарушений, опекун отвечал своим имуществом по обязательствам опекунского имения.

Так, по имению П. И. Кареева в 1832 г. опекун Тарас Изунов показал в отчете цифры, которые не совпали с показаниями крестьян, и его попросили предоставить объяснения. Т. Изунов написал, что «пригляд за уборкою с полей хлеба и молотьюбою имеет всегдашний надзор староста Филипп Ефремов».¹³ Рязанская опека предписала Изунову осуществлять личный контроль над имением и предупредила, что если в имении П. И. Кареева будет упущение, то оно будет на ответственности опекуна. В 1835 г. ситуация повторилась. Заседатели опеки Григоров и Казначеев вынуждены были лично съездить в с. Жолчино и провести дознание. Были выявлены нарушения, и было принято решение взыскать 705 руб. 95 коп. с Т. Изунова и отдать П. И. Карееву (хотя к этому моменту имение уже было исключено из опеки).

Опекун не был облечен всей полнотой государственной власти, поэтому нередко возникали ситуации, когда владельцы имений не желали подчиняться опекуну. Так, в 1835 г. опекун, поручик В. Екимов, жаловался на Ф. Огорокова, который не допускал опекуна до распоряжения описанным имением, собрал урожай, хлеб продал, деньги взял себе...¹⁴ Опека приказала рязанскому земскому суду отстранить владельца и его жену от распоряжения имением. В данном случае в опеку поступили просьбы и от соседей, которые считали, что действия Огорокова угрожают безопасности окружающих. Титулярная советница А. Д. Федосьева писала, что Огороков живет в совершенно разрушенном доме и топит печи, не учитывая опасность пожара. А опекун не следит за подобным недопустимым порядком вещей. Вскоре, правда, долг был уплачен, имение перешло к законному владельцу.

Таким образом, уездная опека осуществляла контроль над деятельностью опекунов, и он не всегда был формальным. Опекун был лицом материально ответственным, фактически не получавшим дохода от своей дея-

тельности и не обладавшим властью в должной степени. Несмотря на все неблагоприятные факторы, институт опекунов просуществовал более века.

Процедура повседневной деятельности дворянской опеки была рассмотрена на примере журнала заседания опеки Рязанского уезда в 1834 г.¹⁵ Заседания опеки проходили почти каждый день за исключением праздников и выходных, она собиралась в составе трех человек – уездного предводителя дворянства, судьи уездного суда и одного заседателя. При этом, когда в июне Н. Н. Реткин не мог являться на заседания, то опека заседала в составе двух человек, и это не мешало им принимать решения. Дела рассматривались по мере поступления. Так, 24 мая 1834 г. было рассмотрено 14 указов губернского правления и прошение штабс-капитана Алексея Тимофеева, который не мог принять на себя звание опекуна, т.к. состоял под судом (это, по мнению опеки, не являлось основанием для уклонения от занятия должности опекуна). 16 июня было рассмотрено только 2 рапорта опекунов, которые были найдены верными и направлены на обревизование в рязанскую гражданскую палату.

При этом, если сравнить два коллегиальных органа, которые занимались исключительно дворянскими делами: опеку и дворянское депутатское собрание, то заседание опеки проходили регулярнее, да и, пожалуй, эффективнее, так как переноса в принятии решений из-за отсутствия членов не было.

На основании анализа документов была предпринята попытка проанализировать связи дворянской опеки Рязанского уезда с губернскими и уездными органами власти для выявления степени самостоятельности данного органа сословного самоуправления.

Среди губернских органов власти наиболее интенсивная переписка, но в одностороннем порядке, велась с губернским правлением и казенной палатой. Первый орган направлял в дворянскую опеку предписания о взятии в опеку, а казенная палата направляла указы о взятии имений в казенное ведомство.

Палата гражданских дел также направляла в опеку указы о приеме в опеку, сообщала решения по денежным спорам, связанным с имениями в опеке. Помимо этого, дворянская опека обращалась за разрешением о продаже имения и направляла дела на ревизию именно в этот орган. Таким образом, гражданская палата выступала в роли контролирующего и ревизионного органа для дворянской опеки.

Среди уездных органов дворянская опека тесно взаимодействовала с уездным и земским судом, градской и земской полицией. Пожалуй, мы не можем говорить о том, что эти органы подчинялись дворянской опеке, но у них были перед ней обязательства.

Так, градская и земская полиция и уездные суды должны были сообщить опеке об имениях, находящихся на территории уезда или города, где умер владелец, остались малолетние дети, или существовал имущественный спор. Полиция предоставляла расписки от опекунов о доставке указов опеки. Дворянская опека могла обращаться в полицию для поиска недвижимого имущества.

Но самые тесные связи у опеки были с таким выборным органом сословного самоуправления, как земский суд. Опека направляла в суд указы об отдаче имения в опеку. Имения находились до передачи опекуну в его ведении. Земский суд должен был оградить опекунов от действий владельцев имений. Суд испрашивал разрешение у опеки на совершение тех или иных действий в отношении имения.

Таким образом, уездная дворянская опека была включена в систему вертикальных связей в губернии и уезде. Органом, контролирующим деятельность уездной опеки, была палата гражданских дел. «Правой рукой» опеки в осуществлении ее обязанностей выступал земский суд.

В целом, деятельность дворянских опеك Рязанской губернии была важна для региона. Не совсем понятно, как определять эффективность деятельности дворянских опеk. Но учитывая, что долги выплачивались, имения включались и исключались из опеки владельцам, малолетние получали образование, деятельность опеk стоит признать удовлетворительной.

Говоря о деятельности дворянских опеk, С. В. Першин пишет, что «...изначально задуманная как средство поддержки попавших в сложную жизненную ситуацию дворян, в первой половине XIX в. опека должна была уже выступать в качестве инструмента социально-политического и экономического контроля над представителями привилегированного сословия».¹⁶ Нам видится, что роль опеки на протяжении всего изучаемого периода была направлена на решение конкретных проблем, возникавших в рамках имущественных отношений дворян в результате смерти или неблагоприятного экономического положения. Опека в первую очередь направляла свои усилия на «воспитание» и «образование» малолетних дворянских детей. Эта функция осуществлялась через привлечение членов местной дворянской корпорации, которые не стремились к этому, поэтому неоднократно один опекун управлял несколькими имениями.

---

¹ Гуляев П. Об опеках, учреждаемых на основании узаконений над имениями дворян и градских жителей. СПб., 1831.

² Русское гражданское право, чтения Д. И. Мейера, изданные по запискам слушателей / Под ред. А. Вицына. СПб., 1864. С. 730.

³ Литвинова Т. Н. Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. С. 135.

⁴ Там же. С. 140; *Першин С. В.* Сословные учреждения в России в первой половине XIX века (по материалам дворянских и городских обществ средневолжских губерний): Автореф. дисс. ... д-р ист. наук. Саранск, 2010. С. 31.

⁵ *Дубровин Н.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. Т. 97. 1899. № 1. С. 25.

⁶ ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2811. Л. 69.

⁷ Там же. Д. 3448. Л. 14.

⁸ Два века рязанской истории (XVIII – март 1917). Рязань, 1991. С. 23.

⁹ Русское гражданское право... С. 736.

¹⁰ Литвинова Т. Н. Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии... С. 140.

¹¹ *Першин С. В.* Сословные учреждения в России в первой половине XIX века... С. 34.

¹² ГАРО. Ф. 117. Оп. 16. Д. 4. Л. 258.

¹³ Там же. Оп. 11. Д. 2. Л. 110–259.

¹⁴ Там же. Оп. 17. Д. 2. Л. 151.

¹⁵ Там же. Оп. 18. Д. 12.

¹⁶ *Першин С. В.* Сословные учреждения в России в первой половине XIX века... С. 32.